



ДЕМОН НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Егор Боргырев

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+
18+

Егор Валерьевич Болдырев

Демон нашего времени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31505553

SelfPub; 2018

Аннотация

Преуспевающий молодой человек попадает в исправительное учреждение нового образца для мужчин и женщин. Это место диктует свои правила выживания, приспособиваясь к ним, парень рассказывает причины, по которым оказался здесь, и делится некоторыми нюансами приготовления борща, самогона, галлюциногенных булочек и ЛСД. Однако, когда заключённые организуют собственное подобие государства, прошлая жизнь уходит на второй план, ведь каждый ведёт игру, лишённую морали. Главное, не сойти с ума. Картина с обложки: "Демон сидящий" Михаил Врубель. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	6
Глава I	9
Глава II	25
День 1-й	25
День 2-й	28
Глава III	37
День 2-й	37
День 3-й	40
Глава IV	43
Глава V	49
День 4-й	49
День 5-й	52
День 6-й	53
День 9-й	55
День 11-й	57
День 12-й	58
День 13-й	59
День 14-й	62
День 17-й	65
День 19-й	67
Глава VI	68
День 22-й	68
День 23-й	71

Глава VII	73
Глава VIII	81
День 23-й	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Все истории вымышлены, любое совпадение событий и имён с реальными является случайностью.

Ну как бы.

Пролог

Из заметок Валерии Лапиной, автопутешественницы.

В нескольких километрах от села с названием на букву *Ы*, которое я так и не смогла запомнить или даже выговорить, стоял придорожный бар у озера под названием *Бар у озера*.

Удивительно уютное и милое местечко, напоминающее средневековую таверну с их белыми стенами, черепичными крышами, закопчёнными кирпичными трубами и резными вывесками.

Внутри радовал желтоватый свет от десятка свечей и огромной круглой люстры. Деревянная мебель, несколько неизвестных мне гербов, висящих недалеко от медвежьей шкуры, возвращали в лихой XVI век, единственным напоминанием XXI века был бар с необычайно богатым ассортиментом и для нашего времени.

Я села за столик. В меню на меня посмотрели кусочек пирога с дичью и чашечка кофе.

Джинсы, кеды и телефоны немногочисленных посетителей контрастировали с помещением, как если бы бар смешал в себе коктейль времён. Но открылась дверь, и тонкую гармонию веков нарушил парень в чёрном костюме.

Потом рассказывали, что он сбежал из тюрьмы или психиатрической лечебницы, или даже из ада – много потом ходило слухов.

Он потребовал двадцать первый коктейль – бармен такого не знал. Парень зашёл за стойку, в руках замелькали бутылки и прочие предметы: водка, лёд, шейкер, мартини, какой-то ликёр. Набывчившийся, вопящий бармен, похоже, ужаса на парня не внушал и молодой человек преспокойно закончил свои дела. В бокал для мартини погрузилась маленькая красная вишенка, и парень уселся за стойку.

Всё в нём было не так. Хороший чёрный и изрезанный костюм, пропитанная кровью белая рубашка, грязный красный галстук, лохматые тёмные волосы, лицо в шрамах и кровоподтёках, число 46 на шее.

Ножка бокала дёрнулась вверх – алкоголь и вишенка исчезли. Парень-46 попросил повторить. Бармен предложил гостю уйти, сказав, что тот не получит двадцать второй коктейль. Это-то молодого человека и взбесило, он стал объяснять, что двадцать второй коктейль ему не нужен – ему нужен двадцать первый и это не номер, а название.

Один из посетителей решил вмешаться – мужчина положил руку на плечо разгорячившегося гостя. Парень-46 перехватил её, повалил бедолагу на стойку и, мамой клянусь, собирался выбить плечо из сустава, но бармен поднял нож. Парень-46 улыбнулся, никакого страха, лишь безумный взгляд. Мужчина-заступник рухнул. Парень-46 наклонился к лезвию. Рука обхватила, дрожащие кисти бармена. 46-й направил остриё себе в грудь, морально парализовал бармена и просто забрал нож.

Он разглядывал нож, а глаза грустные и спокойные как будто говорили, что видели гораздо больше страшного.

Весь бар смотрел, не решаясь пошевелиться или даже вздохнуть. Взгляд 46-го поравнялся с моим. Я опустила голову – волна холода пронеслась по телу, волна мурашек, затем ещё одна и ещё. Он словно видел меня насквозь и знал обо мне всё. Грудь разрывалась от непонятных эмоций. Стало страшно и почему-то стыдно.

Я подняла глаза. Он лишь смотрел, а я описалась.

Резким движением девушка в чёрном выхватила нож из его рук.

Они приехали вместе. И не иначе как из преисподней. Оголённые запястья девушки украшали татуировки, волосы цвета вороньего пера даже при желтоватом освещении играли синими оттенками. Она извинилась и все увидели вампирские клыки и змеиный язык.

Они ушли. А я долго сидела, уставившись в мокрые джинсы, и впервые за полгода позвонила домой.

Странные они были. Но по необъяснимым для самой себя причинам к ним тянуло.

Намного позже я открыла небольшую книжку, которую передал мне парень-46, и поняла, что обязана рассказать его историю: то небольшое, что он открыл во время знакомства и всё то, что написано в его дневнике.

Пожалуй, на этом я закончу, чтобы смог начать он.

Глава I

Это мой обычный день.

Последний обычный день, когда я жил правильно, вроде как.

Воспоминания близки к послепохмельным – приятные на фоне сегодняшнего самоощущения.

Подъем в 7:40.

Я просыпаюсь в 7:29, к плечу прижимается Билли Боб. За окном: ярко-голубое небо, стремящиеся ввысь многоэтажные здания и разноцветные блики – обещают хороший день. Я закрываю глаза, по лицу пробегают тёплые солнечные зайчики, отражённые от вазы, именуемой также как *ваза холостяка*, по факту это бонг, приспособленный под цветы. *Давно хотел его переставить подальше.*

7:40 – звонит будильник. Я встаю. Просыпается и Билли Боб.

Музыка.

По дому разливается приятная мелодия.

Я варю кофе.

Иду в ванную комнату. Если не почищу зубы и не выпью кофе, значит, утра у меня не было. Зубная нить падает в мусорное ведро, я направляюсь на кухню.

Нотки инди.

Землистый аромат, пробуждает полностью, почти. Чёрная

жидкость в чашке, отличается от обычного растворимого кофе, как *Боинг* от *Кукурузника*. Кофе насыщен, немного напоминает сироп и сам задерживается во рту.

Бодрящий напиток, утренняя почта в телефоне и Билли Боб на моих коленях. Ему нравится крутиться возле меня. Честно скажу, что не помню, как мы познакомились, но вот уже который месяц этот белый кролик живёт со мной.

Нотки Франции – нет, я не в ней, поёт *Zaz*.

Дальше душ и бритье. В шкафчике над раковиной лежит опасная бритва, кисточка-помазок из барсучьей шерсти, чашечка для взбивания, ремни для правки и прочие мелочи.

Уважаю классику. У меня есть и обычная бритва, но как по мне, так и одно лезвие вполне справляется со своей задачей.

Ноты рока.

После гигиенических процедур я ем наскоро приготовленный омлет с беконом. Билли Боб, как всегда, моя компания за завтраком. Сейчас он жрёт греческий салат. *Хорошо устроился ушастьей.*

Трапеза окончена и мы подходим к комоду. На всех часах в верхнем ящике 8:50.

Билли Боб смотрит в стену, я выбираю часы: корпуса из стали, золота, титана; ремешки различных материалов и расцветок; есть классические и спортивные.

Кожаный ремешок чёрного цвета и круглый корпус из белого золота, водонепроницаемость до пятидесяти метров

– всё это родом из Швейцарии.

Нотки хорошего дня.

Я в трусах и носках достаю из шкафа тёмно-серый костюм-тройка, сшитый на заказ.

Музыка наполняет всё.

Мои ноты.

Я надеваю брюки, вставляю чёрный кожаный ремень, просовываю запонки из нержавеющей стали в белоснежные манжеты рубашки.

Выбираю из множества галстуков: широкий чёрный в мелкий серый горошек. Завязываю симметричный узел *Виндзор*.

Застёгиваю жилет. Накидываю пиджак. Обувая чёрные оксфорды ручной работы.

Сотни мелочей заполняют мою жизнь.

Я оставляю Билли Боба за главного.

8:59 – выхожу.

Доброе утро. Добрый день. Добрый вечер – вот что вы услышите от меня в первую очередь. Вы услышите это сразу, как швейцар откроет огромную дверь, и вы окажетесь внутри отеля, где тут же почувствуете величие этого здания и ощутите себя невероятно маленьким. После ваших первых шагов, к вам подойдёт молодой человек двадцати семи лет, аккуратно подстриженный, гладковыбритый, у него дорогие часы, всегда чистая обувь и превосходный костюм – *Добрый*

день, утро или вечер, – говорю я.

– Добрый вечер.

– Не такой уж он и добрый.

– Мы это исправим.

Я метрдотель в пятизвёздочном отеле.

Моя работа угождать вам, сделать пребывание здесь не как в сказке, а как в голливудском фильме, вашем фильме. Выбирайте жанр: комедия, приключения, семейный, эротика, порно – я ваш режиссёр.

На самом деле тут мало чего искреннего. Все новички отвечают по бумажке: Добрый день, Иван Иванович. Рады видеть вас. Позвольте порекомендовать... Доброго дня, приятного аппетита, и почешите мои яйца. Прекрасный выбор. Персонал обязан сказать, что гость сделал прекрасный выбор, какую бы чушь тот ни придумал. Например, одно время было модным заказывать на баре джин и просить украсить его долькой огурца. Маленький ликбез: далеко не весь джин в своей основе имеет огурец, но однажды в рекламной кампании определённый джин решили выделить именно этим, и а-ля-оп напиток со свежим огурчиком в украшениях взял свою нишу. Это не более чем кожура лимона в коктейлях, покусанное яблоко на телефоне, бренд, бред, но коли гость просит, мы нарисуем эту волнистую галочку на его дешёвых кроссовках.

Короче, гость всегда прав – так учат вас. Я учу – гость всегда неправ, но об этом ему знать необязательно.

В любом случае это лишь шоу, в которое играет всё цивилизованное человечество. Если откинуть юношеское бунтарство и вклиниться в эту систему большой шестерёнкой зубчик к зубчику – тут очень даже неплохо.

Хотя бывают и исключения из правил: один гость сказал, что с майонезом лобстер вкусней – он прав, признаюсь.

9:20 – я в отеле, готов к утреннему обходу: проверить бар, зал ресторана, каждую мелочь, вплоть до герметичности бутылок в холодильниках номеров – в принципе, я могу ничего не делать, но сегодня есть настроение, плюс нужно держать персонал в форме и не давать им расслабляться. Попутно я приветствую сотрудников.

– *Здорова, Илюха. Что за мужик сидит? Предложи ему кофе. – Илья наш консьерж, хороший мальй, любит кокаин, проституток и есть взбитые сливки из баллона, боится взгляда чихуахуа.*

Гладкая подошва моих туфель, не предназначенная, собственно, для всего, мягко щёлкает по блестящему полу.

– *Доброе утро, Ванёк, расстегни нижнюю пуговицу пиджака, – охранник, не курит, не пьёт, любит спортзал и находится в спортзале. Вечно сидит на чем-нибудь: станаболе, простанозоле, метилтриенолоне. Чувства юмора он не имеет, в отличие от своих барыг, его станабол мятный*

*или апельсиновый и на вид очень напоминает Тик-Так, про-
станозол выглядит как капсулы простанозола 2006 года из-
готовления – тут почти всё нормально, метилтриенолон
обычная аскорбиновая кислота, тем лучше – здоровей бу-
дет.*

Номера идеальны – просто армейская дисциплина. Пугает, когда подчинённые ответственной начальства – ну да по фигу.

– Здравствуй. Как твои дела? – *это горничная, не помню, как её зовут, что-то очень нерусское: Кюрегей, Кюрей, Кюор-чего-то-там – не помню. Внешне симпатичная девчонка. Ещё ничего о ней не знаю – пока.*

По идее, у меня должен быть сменщик, а у диплома о высшем образовании смысл – но кого это волнует?

Мимо проходит стадо напуганных овец – стажёров, я здороваюсь, но знаю, что завтра уже половины из них не будет. *Когда я устраивался такого не было, иначе бы я не прошёл.* Сейчас у нас есть менеджер по обучению и постоянные толпы стажёров.

– Здорова, Утюг. Без происшествий? – *начальник охраны, огромный и весёлый от природы дядька. Почему его зовут Утюг никто не знает, но называют все и у каждого есть своя теория: кто-то говорит, что это из-за формы его черепа, кто-то, что в 90-е он пытал людей утюгом – эти и многие другие теории рождаются в нашем отеле чуть ли не каждый день и обычно их распространителем является*

сам Утюг.

Я подбираюсь к ресторану, но сначала бар. На моих глазах бармен торгует из-под полы. *Умница какой!* Я спрашиваю:

– Что у нас в *ТОПЕ*?

– Что? – переспрашивает Макс. *Что можно сказать о Максе? С утра он любит Кровавую Мэри, по вечерам Маргариту, по пятницам водку, по субботам что-нибудь с Егермайстером, и всю неделю спиды. Короче говоря, адекватный Макс – это что-то очень нереальное, тем не менее он всегда в компитенте, всегда трудоспособен и всегда интересный собеседник. Хотя когда-нибудь он сорвётся. Серьёзный разговор у нас ещё впереди.*

– Что в *ТОП*-листе? – повторяю я.

– Ааа... – просекает он. – *Привиледжио.*

– Много взяли? – спрашиваю я.

– Четыре бутылки за ночь.

Вся фишка в том, что нет никакого из-под полы. И не потому, что об этом знает метрдотель, а потому, что современный человек уже до тошноты прикормлен скидками и акциями. Так как же заставить его проглотить червячка? Сказать, что это немного незаконно. Ох, его глаза сразу загораются. Во-первых, он выходит на доверительный разговор, ведь только он посвящён в этот секрет. Во-вторых, ничем не рискуя, он может купить хорошее вино, по хорошей цене. По хорошей цене для нас.

– Здорова, Антон, – официант останавливается передо

мною. – Не томи, что ты хотел?

– Извини, не одолжишь мне пять тысяч?

Я отсчитываю купюры.

– Отдашь с зарплаты. Или лучше с чаевых. Намёк понят?

– Работать лучше?

– В яблочко.

Антон молодой и кучерявый, вечно улыбающийся и витающий в облаках официант, ничего криминального за ним я так и не заметил. Ответственный работник.

После получасового обхода, я на кухне, повар Ара, подаёт мне лосося с бокалом белого вина. *Ара наш армянский повар, которого мы часто выдаём за итальянца. Он любит готовить – и готовит, любит выпить пару бокалов за ужином – и выпивает за ужином, обедом и завтраком. Также он любит спорить – и это мне в нём нравится.*

Кстати, то что недоедено шеф-поваром, поварами, барменами, метрдотелем, официантами, горничными мы не выбрасываем – остатки с кухни для зеков. Не то чтобы для зеков просто как-то ресторан отеля выиграл тендер на поставку еды в спецприёмник временного содержания по административному наказанию. И теперь мы кормим ещё и бедолаг, отбывающих свои десять или сколько-то-там суток. Однако остаётся еда непригодная и для них. Выбрасываем ли мы её? Нет. В этом мире можно продать всё, ну а если и не продать, то обменять – за городом есть прекрасная свиноферма. И получается, что мы сами отчасти кормим

наше будущее мясо. Безотходное производство.

С 10:30 до 12:30 бумажная работа. Работа – громко сказано, с 10:30 до 11:00 я действительно занят, а всё остальное время брожу в интернете.

Сейчас отель почти пуст, поэтому до обеда меня никто не беспокоит.

Устав от дел, я направляюсь на кухню.

Ара встречает меня стейком с кровью. Пока я орудую вилкой и ножом, он делится сплетнями. Новость недели:

– Антон увлётся новой горничной, – говорит он.

В двух словах мы обсуждаем её внешность, его шансы и заключаем пари. Я утверждаю, что через неделю они переспят, Ара предполагает, что нет – в любом случае проигравший спор весь день проработает официантом.

Пообедав и изрядно позабавившись новым пари, я направляюсь в зал ресторана.

Антон сидит без дела.

– Вечером подойди к бару, и попроси у Макса бутылку хорошего вина – это за мой счёт. Только не вздумай выпить его в одиночку, – говорю я.

Он смотрит огромными глазами, слегка приоткрывает рот.

– Спасибо.

– Подарок от метрдотеля, – улыбаюсь я.

В холле я натыкаюсь на девушку с чемоданом.

Бездельники, пять звёзд, а она сама пытается справиться со своим чемоданом. Девушка лет двадцати трёх, на ней бежевый пиджак, коротенькие шортики с тонким пояском. Рост 165 – 167 сантиметров с вычетом каблучков, хорошенькие ножки. Сама она стройная и *чертовски милая во всём* – эти мысли пролетают за пару секунд до того, как я предлагаю свою помощь.

Мы направляемся на улицу, обмениваясь любезностями.

Мимо проходит охранник, и я улавливаю запах спиртного – вида не подаю.

Ожидая машину, мы мило общаемся. Во время разговора, она активно жестикулирует – я нахожу это удивительно привлекательным. Её французский маникюр то и дело мелькает перед глазами.

Машина подъезжает через несколько минут.

Девушка принимает вежливость за флирт, и перед отъездом мы обмениваемся телефонами.

В отель я не вхожу – залетаю.

Хватаю за руку Диму-охранника, *странно, что я не видел его утром*, он пьян в стельку, изначальный запах спиртного преобразуется в стойкий перегар.

Он немного выше меня и много больше. Здоровый мужик, который упирается, как ребёнок. Еле дойдя до комнаты охраны, я толкаю его внутрь. На диване валяется Ванёк. Я

прошу его позвать Утюга.

Как только Ванёк выходит из комнаты, Димон начинает обкладывать меня благим матом. Как ни стараюсь – не могу уловить ход его мысли.

В комнате есть мой шкафчик. В то время как мне пытаются доказать непонятно что, я открываю дверцу и нащупываю рукоятку на верхней полке, мой пистолет – *Кольт М1911*. В отличие от стандартных образцов эта модель, легче, с пластиковым корпусом и она бесшумна при стрельбе. Я немного приподнимаю пистолет, определяю по весу, что он заряжен. Незаметно для Димы расстёгиваю пиджак и засовываю оружие за пояс.

Димон подходит ко мне впритык, орет, я узнаю, что я пиджон, мне всё досталось просто так, я баловень судьбы, и не будь я начальником, он бы меня отделал.

– Иди проспись, – говорю, но он прёт, как Титаник на айсберг.

Тогда я достаю пистолет и направляю ему в живот. Лицо охранника меняется, наглость пропадает, взгляд трезвеет, он отступает.

Кстати, иногда я веду себя как идиот.

Мы стоим молча и смотрим: я на его лицо, он на пистолет. Время идёт, охранник ухмыляется и снова смотрит на меня пьяным взглядом. *Думает, не выстрелю.*

Пистолет по-прежнему направлен на его живот. Спусковой механизм довольно тугой, поэтому я резко нажимаю

пальцем. Мокрое пятно моментально растекается по его рубашке. Я направляю пистолет выше, тоненькая струйка воды бьёт в лицо.

Кстати, иногда я веду себя как полный идиот и да, это водный пистолет.

Я смотрю на мокро-одурачено-злое лицо и не могу удержаться от смеха, но просмеявшись, беру себя в руки и делаю контрольный в голову, после чего пропускаю удар.

Кровь из носа капает на пиджак.

– Хочешь драться? Давай, но зачем мне такой охранник, которого может отделать обычный метрдотель.

– Давай! – кричит он. – Живёшь тут, как в сказке. Трахашь всё, что движется, пьёшь, соришь деньгами и понятия не имеешь, как живут обычные люди!

Я кладу пистолет на стол, снимаю пиджак, вешаю его на спинку стула. В этот момент вбегают Ванёк и Утюг.

– Вы что творите?

– Будем драться, – отвечаю я, расстёгиваю верхнюю пуговицу рубашки.

– Успокойся, я его уведу.

– Нет, Утюг. Будем драться.

Меня не трясёт от злости, мне плевать на нос, я полностью в своём уме, меня не зацепили слова.

Пьяный боров уже кинулся вперёд, я встречаю его джебом, но он всё равно сбивает меня с ног. И вот я на полу, а он стоит на коленях и разбрасывается ударами по корпусу и

голове, я прижимаю подбородок к груди и пытаюсь хоть как-то минимизировать ущерб.

Обрушивается пара кулачных очередей, Утюг спокойно наливает себе кофе и рассказывает Ване, насколько плачевно моё положение.

Я хватаю правую руку своего визави, перекидываю ногу через его плечо, и тут же захопываю треугольник из своих ног на его шею. Никто и понять не успел, что произошло, а я уже сжимаю шею соперника.

Утюг рассказывает, что этот приём называется *треугольник* и он первый раз видит его использование в реальной драке и первый раз видит охранника, дерущегося с метрдотелем, и первый раз видит дерущегося метрдотеля.

Димон продолжает меня колотить, сначала я хочу успокоить его ударом локтя по голове, но вместо этого поворачиваю корпус в сторону, прижимаю его голову к себе, сдавливаю ноги и просто жду. Лицо охранника наливается кровью, сонная артерия зажата, он пытается поднять меня, но теряет сознание.

Я ослабляю хватку. Кровь из моего носа заливает белоснежный воротник рубашки.

Первым слово берёт Утюг:

– Ты самый крутой мужик, которого я знаю!

Вторым слово берёт Ванёк:

– Обалдеть, в жизни ничего подобного не видел, ты его задушил?

Поверженный охранник начинает откашливаться.

Третьим слово беру я и метрдотель пятизвёздочного отеля раздаёт прямые указания:

– Димон – пока не вставай, Ваня – отвезёшь его домой, Утюг – с тобой отдельный разговор.

Не знаю, кому в голову пришла идея разместить в отеле тренажерный зал, но я бы пожал ему руку, вероятно хозяину.

Три раза в неделю я посещаю спортзал, а порой два. *Не то чтобы здоровый и правильный образ жизни был моим кредо – я лишь держу себя в приличной форме.*

– Почему ты его не бил? – спрашивает Утюг, подстраховывая меня на жиме лёжа.

– Не стоит он того, – *мне и самому сложно понять – почему. Возможно, потому что мне на моральном уровне тяжело бить людей по морде, быть может, в своём понимании я считал его жертвой, или мне стало скучно, или всё это бред полнейший, а моя философия такова, что к жизни нужно относиться проще – в общем, я запутался.*

– Ты самый крутой метрдотель! – говорит Утюг.

– Ты узнал, что у него за праздник? – с трудом произношу я под девяноста килограммами металла над своей грудью.

– Вроде его сыну нужна дорогостоящая операция.

– А почему я не в курсе?

– Узнаю всё в подробностях и завтра расскажу.

– Тогда завтра решим, – говорю я, вылезая из-под штанги,

и останавливаю свой взгляд на запачканной кровью белой футболке.

Утюг уходит.

Широкая копия меня сидит напротив. Зеркала в зале немного расширяют действительные изображения. Парень в белой футболке с пятнами крови смотрит на меня. В спину упирается синтетическая этикетка, готов поспорить там самая модная надпись нашего времени – *Made in China*. Кровь из носа продолжает течь, вырисовывая на футболке свою философию. Я облизываю верхнюю губу, холодный металлический вкус собственной крови не даёт никаких эмоций.

17:21 – по пятизвёздочному отелю идёт парень. Его белую футболку украшает красное пятно в виде бессмысленного существования. К нему подходят горничные. Взгляд игнорирует всё. Что-то спрашивает девушка с ресепшна – ей не достучаться. Уши забиты пеленой безразличия.

– Классный прикид, – пробивается Утюг.

– Угу, – без особого энтузиазма бормочу я.

– Начальник домой собрался? А время-то ещё раннее...

– Кто же меня остановит? – спрашиваю я.

– Тут не поспоришь, хорошо быть тобой, – говорит Утюг.

Мой телефон начинает вибрировать.

Для Утюга я выдавливаю улыбку.

– Не забудь про Димона.

– До завтра, – кричит Утюг вслед.

Звонок от *Сестрёнка*.

– Да, Ева, – беру я трубку и слышу:

– Это пиздец!

Глава II

День 1-й

Неповторимо чёрный ворон летит напротив меня, величественно и спокойно размахивая своими крыльями. Он не отстаёт. Похоже, у меня новый спутник.

Но пути расходятся.

Уже второй час перед глазами мелькают кусты и деревья, изредка появляются поля, огороды и брусчатые домишки.

Я смотрю в небольшую щель в стене.

Поезд продолжает движение.

Купе – дорого, плацкарт – занят, общий – неудобно. *А нас никто и не спрашивал, просто загрузили в деревянный гроб на колёсах и ютятся.*

Вагон забит уголовниками.

Как я тут оказался?

Стал таким же.

В вагоне человек сто не меньше. Мужчины в основном до тридцати, хотя есть и старше. Национальности варьируют от начала и до конца: большая часть – русские, как мне кажется; позади меня сидят двое армян и обсуждают какое-то произведение Достоевского – удивительно для этого места; в противоположном углу сидит китаец, внешне похожий на Брю-

са Ли; недалеко от него спит татуированный цыган; группа тувинцев находится в центре, один из них затачивает болт, остальные балакают на своём. *С этими лучше не связываться*, отмечаю я на будущее. В конце вагона у 38-литровой фляги с водой располагаются кабардинцы и дагестанцы.

Вот уже который час, сидя на корточках, рядом со мной засыпает якут, падает – просыпается и снова садится на корточки.

За дюймовой щелью проносятся десятки маленьких ручейков.

Я целый день на голых досках, и в голову приходят разные мысли: *во-первых, странно, что нас везут на поезде, а во-вторых, интересно какого было ехать во время Второй мировой в таких же вагонах, ведь те, кто в них ехал, знали, что их отправляют на смерть и шансов выжить у них один из тысячи. Мы даже не знаем, куда и с какой целью нас везут, но в то же время в отличие от миллионов невинных людей того времени, мы все виновны, может быть, и не по понятиям улиц, и не перед Богом, но по законам Уголовного кодекса точно.*

Мои размышления прерывает, упавший на меня, якут. Я отталкиваю его, на этот раз он сворачивается клубочком и продолжает свой сон.

Я смотрю в щель: напротив нас, меня, не спеша тащатся белые облака.

Прислонившись к стене, я пытаюсь заснуть, попутно ду-

маю, *как же там моя сестрёнка.*

Я просыпаюсь, снаружи темно, внутри соответственно тоже. Воняет потом. Почти все спят.

Кто-то недалеко от меня тихонько бубнит молитву, странно встретить здесь набожного человека, однако, как знать, может, и не странно.

Спина ужасно болит, мышцы ног, рук и шеи не слушаются.

Самочувствие – словно меня всю ночь избивали. Силы и энергию забрала жара, короткий сон не вернул ни того ни другого, а лишь немного помутил рассудок.

Я направляюсь вглубь вагона к фляге с водой, аккуратно пробираюсь через спящие тела, иду по чьим-то ногам, слышу в свой адрес отборную матерщину и наконец-то получаю возможность освежить горло. *Как бы глупо это ни звучало в моей голове, но жить стало легче.*

Я возвращаюсь на своё условное место и пытаюсь заснуть.

Пустой желудок громко бурлит, переваривая только что выпитую воду.

День 2-й

Я открываю глаза.

Прямые солнечные лучи разрезают вагон через его щели. Внутри начинается беспонтовая суета. Поезд стоит.

Несмотря на раннее утро, температура набирает обороты.

Я абсолютно мокрый, как и все здесь. Капельки пота стекают со лба и стремятся попасть в глаза – брови уже не спасают.

Чей-то резкий кислый запах пота практически выворачивает наизнанку.

Возле туалета наклёвывается драка. Крик, глухой удар. На стене остаётся яркое пятно крови, рядом лежит молодой парнишка. Скорей всего мёртвый.

Проходит битый час: поезд стоит, мы сидим, пот льётся, воды во фляге нет, атмосфера накаляется.

Кто-то падает в обморок, но никому нет до этого дела.

Ещё немного и весь попкорн сгорит в этой чертовой микроволновке. Взрыв, второй и, наконец, двери открываются. Кажется, нас просят прогуляться по всем кругам ада.

Глаза постепенно привыкают к свету. Я не понимаю ровным счётом ничего. Заключение строится перед вагонами – все те, кто ещё жив.

Перед нами выходит усатый мужик и, подражая манере речи Иосифа Сталина, проводит краткий инструктаж:

– Первое, вы все говно. Второе, я не хочу копать в говне.

Заклѹчѣнных около двухсот человек – все в шеренге по двое. Повсюду крутятся люди в серой форме с автоматами наперевес. Пока я рассматриваю их, пропускаю несколько пунктов инструктажа, *но вроде бы ничего важного.*

– И самое главное, – говорит усатый. – Четвёртое, вы никто и ничто.

Слова внушают чудные перспективы, а нас грузят в специально оборудованные *Уралы, ну как специально оборудованные – со скамейками, кому хватит.*

И снова дорога.

Как сперма от губ актрисы на кастинге тянутся эти часы, через какое-то время колонна встаёт, и нас опять строят.

Место напоминает больницу или даже психиатрическую лечебницу, огороженную четырёх метровой бетонной стеной с колючей проволокой и вышками по периметру.

Усатый мужик начинает всю ту же речь.

Будь это обшарпанное здание отелем, он бы назывался *Приютом сломленных.*

Манерный монолог Иосифа Сталина прекращается, он смотрит на двух заклѹчѣнных, которые бегут из строя.

Надзиратели в серой форме переглядываются между собой и смотрят на усача.

Бегущие уже в пятидесяти метрах от нас, за нашими спинами. Народ в строю подбадривает их и улюлюкает.

Пот полностью обволакивает моё тело. Солнце прижимает к земле. Усатый мужик говорит:

– Валите.

Несколько автоматных очередей оглушают меня и всех нас.

Мужик с усами продолжает:

– Смотрите на меня.

Мы слышим крики одного из беглецов. Несколько охранников забегают за наши спины.

Усач говорит. Все смотрят на него. Я не слышу ни единого слова. Крики переходят в мольбу.

Страх сковывает и опустошает тело. Я смотрю на усы, не потому что должен – не хочу поворачиваться назад, не могу себя заставить.

Ну и где же, чёрт возьми, я оказался?

– Делайте, что я говорю, и вы проживёте немного дольше, чем они, – не выдавая ни единой эмоции, заканчивает усатый.

Крик. Одиночный выстрел. Тишина.

Нас заводят в здание.

Только внутри я замечаю, что среди заключённых есть женщины. Их выводят вперёд: десять женщин. Выглядят они плохо, дело не в отсутствии косметики, и не в долгой дороге,

и жара в сорок градусов здесь ни при чём. Кровоизлияния и припухлости после ударов, синяки, рассечения – почти у каждой.

Моё внимание привлекает *кровавая брюнетка*. Пряди волос склеены засохшей кровью. Руки, шея, грудь – всё в красных потёках. Когда-то белая майка сейчас цвета кармин. Не думаю, что это её кровь, но меня цепляет спокойная отчуждённость, как будто для неё этого мира не существует или она живёт в своём. Раскачивается взад-вперёд, иногда хлопает в ладоши и, готов поспорить, что-то напевает. Я не слышу.

Женщин уводят.

Мужчины остаются на месте под прицелом десятка стволов.

Из-за двери, куда увели женщин, доносятся крики, приглушённые и прерывающиеся, и тем не менее крики.

Мы по-прежнему стоим на месте.

Задверные визги, вопли и мат не умолкают. А к нам выходят *парикмахеры* – всё те же надзиратели в серой форме, но с машинками для стрижки волос вместо автоматов.

Десять машинок начинают рычать и нас в порядке очереди вызывают из строя.

С парикмахерской нет ничего общего – нас не садят на стул, не спрашивают как стричь, здесь нет зеркал. Я, как и все, подхожу к надзирателю с машинкой, наклоняюсь, он хватает голову и состригают волосы. Под ноль. Больно, но

не так чтобы сильно. Лезвия впиваются в ухо.

Я снова в строю. Пол из деревянной брусчатки частично прогнил. Я наблюдаю: у охраны пять автоматов АК-У, два пистолета *Макарова* и одна винтовка *Драгунова* – вероятно, *с винтовками стоят на вышках по периметрам стены.*

Гудит девять машинок – одна сломалась.

Я еле стою на ногах, организм практически обезвожен, ужасно хочется спать, есть и пить. Чувствую себя сушёной корюшкой, которой скоро оторвут башку.

Воды.

У кого-то находят вшей: то ли головных, то ли нательных, или лобковых – *скорей всего головных.*

Всем, кто подстрижен, приказывают раздеться.

Набирается сотня голых мужиков.

Один из надзирателей приносит мешок. Надев перчатки, другой сероформенный открывает его. Внутри порошок. Они проходят мимо строя и забрасывают нас этим дерьмом: голова, лицо, спина, мошонка, глаза – обязательно.

Скорей всего, это порошок от вшей, вероятно, годов 90-х. Сказать, что это эффективное средство не сказать ничего.

Глаза слезятся. На губах привкус, даже не знаю, хлора.

Тех, кто продезинфицирован, ведут в дверь, за которой полчаса назад слышались женские крики.

Я выжидаю свою очередь, встаю у стены, и меня поливают из шланга. Вода ледяная. Поэтому и кричали женщины. А эти в серой форме, наши охранники от свободы смеются.

Уже их ненавижу.

Мощная струя бьёт по телу. Я чуть не валяюсь с ног. Смываю с себя порошок и открываю рот, чтобы попить, вода отдаёт какими-то пестицидами – но мне плевать.

Дальше заключённым вручают непонятного цвета серо-голубое бельё, до ужаса неудобные синие шанхайки, и мы, одетые, идём в следующий круг ада.

Женщины уже в помещении. Вдоль стены висят зеркала, рядом стоят стулья и небольшие столики, а мы снова в строю.

– Только не балетная школа, – говорю я.

Народ вблизи пробивает на смех.

– Заткнулись! – кричит надзиратель, и все замолкают.

Нас вызывают по несколько человек с начала строя.

Лысина пред моими глазами вздрагивает. Мужчина падает. Я рефлекторно подхватываю его и аккуратно опускаю на пол.

Похоже, эпилептический приступ. Я наклоняюсь перед ним, придерживаю голову и зажимаю её между своих колен, пытаюсь зафиксировать его руки.

Один из охранников хватает меня за шиворот.

– Ты следующий.

– А он?

– Хочешь лежать вместе с ним?

Я неловко выхожу из строя.

Стоящие рядом спрашивают, что делать.

Идя к столику, я громко говорю:

– Зафиксируйте голову, немного приподнимите, следите за его ртом, он может прикусить себе язык или захлебнуться слюнями, в этом случае слегка поверните голову, возьмите кусок одежды...

Приклад автомата вонзается промеж лопаток.

Я падаю.

Слышу голос охранника:

– Заткнись.

Слышу заключённых:

– Его рот зажат, что делать?

Я вспоминаю предсмертные крики двух обречённых.

Быстро нам внушили: кто здесь никто.

– А что вы можете сделать? Молитесь, – думаю я, поднимаясь с пола.

Лысый и почти слепой из-за порошка против клещей и слизистой оболочки глаз, я сажусь за очередное испытание – нанесение личного номера.

Что это значит? Если представить тату салон – с ним нет ничего общего. Я не выбираю татуировку, здесь нет эскизов, личный номер бьют исключительно на шею – мой 46.

А ведь это номер того эпилептика – противное слово. Куда же, чёрт побери, я попал?

Номер наносится на левую сторону шеи. Одной и той же иглой каждому заключённому – я молюсь, надеюсь, просто

надеюсь, ибо в бога я не верю, чтобы ни у кого из предыдущих заключённых не было сифилиса, гепатита, СПИДа или чего-нибудь ещё. Антисанитария и неумелость здешних мастеров сделали бы даже клеймение раскалённым железом более гуманным способом.

Игла глубоко проникает под кожу.

Слева от меня сидит татуированный цыган, на его шее нет места для личного номера. Охранники, недолго думая, пытаются набить цифры на его лбу, но цыган сопротивляется.

Справа от меня сидит молодой парнишка – он плачет.

Кровь стекает по моей шее.

За спиной стоит мужчина лет сорока и рассказывает, что в его время татуировки ещё что-то значили, сейчас же молодёжь сама не понимает, что царапает на своём теле. В зеркало я вижу, что на его плече факел обвит колючей проволокой – уже выцветшая наколка.

Слева от меня на полу лежит цыган, он без сознания, надзиратель набивает личный номер на его лбу.

Число 46 навеки запечатлено на моей шее.

– Теперь это твоё имя, – сообщает один из охранников и отправляет меня за другими уже готовыми заключёнными.

За следующей дверью седой мужчина с шикарной бородой и аккуратной стрижкой высказывает претензии нашему усатому надзирателю:

– Вы даже не представляете, какого чёрта натворили. Я жду письменного объяснения!

– Да, босс, – непривычно для Сталинской манеры, отвечает усач.

Заметив нас, они замолкают.

Глаза усатого выражают откровенную неприязнь, борода-того необычайную уверенность.

Толчок в спину заводит меня в узкий коридор, затем я поднимаюсь по лестнице и снова коридор.

Меня останавливают перед железной дверью, просят встать лицом к стене – просят это, мягко говоря.

Дверь открывается.

Матрац, раковина, унитаз, окно за железной решёткой и четыре стены – ничего больше.

– Номер люкс, – говорю я. – А номера с видом на море ещё остались? – На что получаю удар в затылок и слышу, как за мной закрывается дверь.

– Должно быть, вы не получили мой райдер? – кричу я.

И что же, мать его, всё это было? Непонятно. Но впереди будет жопа, я уверен.

Пожалуй, вздремну, если получится.

Глава III

День 2-й

От окна до двери – пять шагов.

От левой стены до правой – четыре шага.

От правой стены до левой – четыре шага.

Если идти по диагонали, можно сделать шесть с половиной шагов.

Если идти по диагонали из другого угла, можно сделать шесть шагов и упереться в унитаз.

Если устанешь измерять камеру, можно лечь на матрац. Он покрыт пятнами разного происхождения, поэтому я решаю пройти *тест Поршаха*. Кляксы далеки от симметрии, но делать особо нечего.

Я разглядываю первое пятно: круглое с большим зазором у края, кто-то пил крепкий чай, оно похоже на *Пак-Мэна* или на значок *Internet Explorer*. Я вижу лицо, которое открыло свой рот настолько, что разорвало себя. Ну что же идём дальше.

Второе пятно: коричневое, небольшое, тёмное, выглядит как пятно. Хотя, если присмотреться – это рыба-ёж, или *как их там*, раздутая как мяч, укутанная шипами и пропитанная тетродотоксином. Я бы сейчас не отказался от этого япон-

ского деликатеса, перспектива парализации мышц и остановка дыхания, конечно, пугает. Но кушать хочется. Всё, довольно о еде.

Фугу, блин, вспомнил.

Третье пятно: непонятного цвета, напоминает падающего человека или даже младенца, или он уже упал. *Чёртовы пятна!*

Следующее: пятно крови или размазанный по матрацу человек без ног. *Что за пятна такие?!*

Это занятие уже злит. Я переворачиваю матрац и перетаскиваю его в другой угол, зачем-то. Если двигать матрац, из распоротого шва начинает валиться вата, если заметить дефект сразу, то этого можно избежать, если нет, то в ближайший час можно пинать вату по камере, чем я и занимаюсь.

С теменью явился и холод. Всё чёрное и еле различимое – особенно мысли. Чувствую себя *котом Шрёдингера*.

Надо мной предстаёт яркий прямоугольник. Его свет растягивается по камере, углы стен становятся более яркими. Я подхожу к прямоугольнику, он разделен на мелкие – это дурацкое окно с решёткой и фонарь на периметре, и, похоже, пока *кот* больше жив, чем мёртв.

Лязг металла заставляет меня вздрогнуть. В двери открывается небольшое окошечко, камера светлеет на один тон, появляется поднос. Металлический звон – и пространство камеры переходит во власть фонарного света.

Я беру поднос и усаживаюсь на своё ложе. Кружка, ложка, кусок хлеба, тарелка и тарелка.

В кружке крепкий, сладкий, холодный чай. В первой тарелке рис. Во второй тарелке что-то непонятно жирное, методом проб я выясняю – это сало, варёное сало в собственном соку, волосы на зубах дают понять, что это не опалённое сало, покрытое щетиной. Пофиг – съем.

Я заканчиваю трапезу, сон отправляет в нокдаун, хочется там и остаться. Фонарь за окном режет глаза, поэтому я перетаскиваю матрац и попутно радуюсь, что будет чем заняться завтра – *ватным футболом*.

День 3-й

Я сворачиваюсь чёртовым клубочком, колени колотятся друг о дружку. Солнце светит, но всё ещё холодно.

Пробуждает противный металлический звук, не менее мерзкий мужской голос требует поднос. Я просовываю его в маленькое дверное окно.

– Что это за место? – в ответ слышу, как что-то наливается в кружку.

– Из камеры хоть выпускают? – что-то, слипшееся, плюхается в тарелку.

– А книжку можно попросить? – что-то маленькое падает в другую тарелку.

– Ох, спасибо, так приятно наконец-то поговорить с кем-нибудь, – поднос подаётся вперёд и окно закрывается.

Что ж производим ревизию: кусок жареной рыбы, рис, кофе, хлеб, спичечный коробок и сигарета.

Рис как рис только с камнями.

Хлеб как хлеб – без претензий.

Бодрящий кофе напоминает разбавленную в воде землю – ничего такой, пить можно.

От рыбы несёт тухлятиной – в общем, ничего такая, если дышать ртом, есть можно.

Сигарета без маркировки – доверия не внушает.

Коробок спичек – обычный.

Через пару минут, стоя перед унитазом, я осознаю свою ошибку – рыбу жрать нельзя.

Закончив завтрак с заявочкой на анорексию, я принимаюсь за работу.

От левой стены до правой – четыре шага.

От правой стены до левой – по-прежнему четыре шага.

От стены с окном до стены с дверью – пять шагов.

Все стены на месте, чёрт бы их побрал, но я решаю проверить ещё раз.

После *ватного футбола* вся вата находится в одном углу и наступает время для *ватного баскетбола*. Я усаживаюсь рядом с белой кучей и отрываю маленький кусочек. В моих руках он приобретает идеально круглую форму, ну на глаз.

Шарики летят, куча уменьшается, а я ставлю новый и единственный рекорд: пятнадцать попаданий в унитаз подряд. *Посмотрим, смогу ли я побить его завтра.*

Обед: сало, рис, хлеб, чай, сигарета – жрать можно. Жру.

Как только садится солнце – температура резко падает. На окне лежат две сигареты и коробок спичек, различаю я их смутно и с каждой минутой всё хуже. За окном фонарь, четырёх метровое ограждение и лес. Свет с улицы пробивается в камеру, похоже, скоро ужин.

Я прав.

Бигус. Варёная капуста. Сейчас расскажу, как это блю-

до сделать еще хуже: добавить крупы, к примеру, перловки, кость обязательно без мяса и запить компотом со вкусом воды. *Ямми!*

Глава IV

*Что стало начальным пунктом? Когда всё пошло наперекосяк? И хоть убейте, на ум приходит дата рождения. Но чтобы как-то оправдать своё существование, я решаю, что моя жизнь начала делиться на *до* и *после* с ювелирного магазина или с неё.*

Всё случилось так давно, что я и не помню невероятно холодный и долгий январь, скучную ночь, окутанную самокопанием, -желением, -сожжением, -разрушением и всем остальным, преследующим меня до звонка в 00:23.

В съёмной квартире с советскими обоями, как всегда, пахло унынием и протухшей банановой кожурой. Я щёлкнул по закладке в браузере, которая постоянно появлялась в эксперсс-понели. Палец раздавил мышку и размазал тельце по экрану монитора.

Волосы девушки развевались на ветру, а невероятно большие глаза смотрели на меня в чёрно-белых тонах, на улыбку губы не намекали. Красивая фотография, красивая она, и в то же время это огорчало до глубины души и трогало до последнего головного нейрона. Я чувствовал себя сжатым в руке бананом, чьё мерзкое Я сочилось меж пальцев.

Мы все так делаем – заходим на страничку бывших.

Бывший – ныне не состоящий в какой-нибудь должности,

утративший прежнее положение, ранее существующий, сломавший хребет твоей морали, твоя боль и разочарование в мире, сидящий в голове, короче, любовь и слезы.

Мы все заходим на страничку бывших. Смотрим новые фотографии, статус, репосты, иногда лайки и, наверное, ищем надежду: на встречу, ответную боль или на собственное превосходство – сложно сказать. Но ещё сложнее признаться, что так оно и есть, тут проще ляпнуть: *Каждый день в обеденный перерыв я дрочу в туалете на нарисованные маркером титьки* – физиологией делится легче, чем этим вот говном.

Она в выцветшей джинсовой куртке, её русые волосы развеваются на ветру, а голубые глаза смотрят на меня – странно фотография ведь чёрно-белая.

Я не ожидал звонка – надеялся и не мог поверить. Это была она. Я смотрел на телефон, на фотографию и боялся проснуться, спугнуть маленькую надежду, будто мог разрушить все, словно неловким взмахом руки затушить свечу, к которой летел мотылёк.

– Да, – произнёс я.

– А оле тэ.

– Что?

– Да бят а посты а низа!

– Пьяна, чертовски пьяна, а ведь это ещё один человеческий фетиш – звонить по пьяне, – подумал я и спросил:

– Ты в порядке?

– Бят уха йа нису.

Связь оборвалась. Я смотрел на экран телефона, похоже, я опять упал во сне и вернулся в реальность. Телефон завибрировал, я открыл сообщение – фотография.

Голубой заплаканный глаз, ярко-розовые щёки, изрезанные струйками потёкшей туши, растрёпанные русые волосы и огромная синяя труба.

Я поставил чайник.

Хотите помириться с любимым человеком?

Прочтите пошаговую инструкцию.

Пусть первый человек придет ко второму.

Пусть первый человек в смятении ли, в беспамятстве или волнении лизнёт синие качели.

Внимание! Его/её язык обязательно прилипнет (поскольку зима).

Примечание. Второй никогда не должен спрашивать первого, зачем он/она это сделал(а).

Второй человек должен как можно быстрее освободить примёрзший язык первого.

Второй должен отвести первого домой и налить какой-нибудь горячий напиток (в моём случае был растворимый кофе Nescafe – одна большая ложка, без сахара, в чашке со сломанной ручкой).

Второй должен долго смотреть на первого, улыбнуться и попросить произнести – пресидижитатор.

Внимание! Вероятней всего, всё что сможет сказать первый: прехстидезелатол. И после этого первый добавит: пли-дулак – и заплачет.

Второй не должен плакать или смеяться – важно обнять первого и больше не отпускать.

Я обнял её. Поцеловал. И больше не собирался отпускать.

Примечание первое. Второй никогда не должен упоминать об этой истории.

Примечание второе. Второй никогда и нигде не должен упоминать об этой истории.

Лишь поэты и глупцы восхищаются бедностью, но поверьте, нет в ней ничего романтического и высокого. Счастье и нищета – антонимы.

Белый свет повсюду, я как будто оказался в его источнике. Жёлтый блеск переливался оттенками белого и красного золота. Голова шла кругом.

Обручальные кольца не такие уж дорогие, тем более везде висели таблички со словом *Скидка*: *Скидка 5%*, *Скидка 10%*, *Скидка 30%*. Если бы я играл свадьбу по залёту, на девочке из ПТУ – этот вариант стал моим: пара безвкусных колечек со скидкой 30% – прекрасное начало долгого и счастливого брака.

Мне плохело от обилия золота.

Я решил сделать предложение. Мне нужно особенное кольцо. Классическое кольцо с бриллиантом. Обожаю клас-

сику – ничего лишнего. Люблю такие вещи, простые, но безумно завораживающие.

Бриллиант – пожалуй, самая важная часть кольца.

Я посмотрел на кольцо с бриллиантом в 0,5 карата – и сразу понял, что этого слишком мало.

1 карат – уже лучше.

И тут я влюбился с первого взгляда, превосходное кольцо.

Я не мог ни о чём думать, перед глазами камушек в 1,86 карата. В голове лишь она и это кольцо. Я мечтал, чтобы они встретились друг с другом. Я должен был сделать это.

Но.

Мне немного не хватало.

185 320 рублей, кажется.

При данном положении я мог оплатить половину.

Я копил, а толку. Мой розовый мир рушился в ювелирном.

Я вышел, размышляя сколько стоит каждый из моих органов по отдельности. Закурил. Ювелирные всегда вгоняли меня в депрессию, прямым текстом доказывая, что некоторых вещей я не заслуживаю.

Дым словно проходил мимо. Я погрузился в ручеёк самокопания, там на водопой остановились зебры, рядом плавали крокодилы.

– Я всю жизнь ела траву, – подумала зебра.

– Я жил здесь с самого рождения, – пролетела крокодилова мысль.

– А что я собственно такое, полосатый конь?

– А ведь я просыпаюсь раньше всех и часами жду, просто чтобы поесть?

– Это природа, так уж заведено, – подумали животные.

И тут в их примитивном сознании мелькнула мысль – *что если это не та жизнь*. Навернулись первые искренние за всю историю крокодиловы слезы.

Я же не против жизни зебры или крокодила, мне этого хватало, но появился человек, который лишь своим присутствием зародил идею о чём-то большем, нежели простое существование – и, это не отпускало.

Зебра и крокодил, кстати, углубились в самокопание, их природные рефлексy притупились, и обе зверушки сдохли.

А вообще, хороший психолог мне бы не помешал – но на какие шиши.

Молод я был и дурак.

Я набрал Еву и сказал, что согласен.

Глава V

День 4-й

Приходит еврей к раввину.

– Ребе, у меня проблема: сын ушёл в христианство, крестился. Что делать?

– Ну, я должен с Богом посоветоваться, приходи завтра.

Назавтра тот приходит, спрашивает, что сказал Бог.

Раввин отвечает:

– Бог говорит, у него те же проблемы, – я рассказываю анекдот, за железной дверью на поднос падает еда.

Я прошу какую-нибудь книжку, на что получаю любимое варёное сало.

Мерзкая еда, если сравнивать... но сравнивать не с чем.

Каждая частичка кричит, что не хочет здесь находиться. Тело ломает, как если отлучить заядлого курильщика от никотина. Мерзкое ощущение, но разум пытается его облагородить – приплетает великую астральную кару за проступки. Синдром Христа и даже если такого нет – стоило бы придумать, однако же, этому синдрому противоречит простое желание счастья.

Я жру рисовый клейстер с камнями и подкуриваю первую безымянную сигарету.

Ночью меня будит плач. Кто-то противно ноет и жалуется на свою судьбу.

Я кричу:

– Заткнись, – и голос замолкает.

Двадцать секунд тишины и стартуют хлюпанье и нытье.

Я снова кричу – всё утихает.

– Кто это? – говорит неизвестный голос почти детский.

– Я, – и тут я окончательно просыпаюсь. – Со мной говорят? Наконец-то человеческая речь.

– Кто это? – переспрашивает голос.

– 46-й.

– А я Миша. 45. Где ты?

– Там же где и ты.

– Если б знал, – говорит детский голос, – что здесь так, то никогда бы не поставил свою подпись.

– А я бы расписался не задумываясь, – отвечаю я. – Меня осудили за убийство, к счастью, за одно, поэтому я кое-как закрыл шкафы с центнерами костей, и признался во всём – точнее, в одном. А ещё нужно было скрыться, и когда прокурор протянул документ о заключении в тюрьме нового типа – я подписал. Плюс этого места и этой самой подписи на этой самой, мать его, бумажке в том, что срок сокращался вдвое, а место заключения оставалось неизвестным и ты исчезал. Но там ещё пару десятков листов было, я не помню о чём – возможно, стоило прочесть. – Ничего этого я не го-

ворю 45-му.

Позже мы находим вентиляцию.

Конструкция наших камер позволяет свободно разговаривать через неё.

День 5-й

И был вечер, и было утро: день пятый (Книга Бытие 1:23).

Разносчик еды подарил мне книжку!

Библия, ага.

День 6-й

Каждый вечер за несколько минут перед ужином, включается фонарь.

И сказал Бог: да будет свет. И стал свет (Книга Бытие 1:3).

В это время у меня в камере открывается театр теней. Львы, черепахи, страусы, собаки – получается довольно жалко.

Я делаю зайчика, если бы он мог говорить, то сказал: *убей меня*. Но сейчас он рассказывает о знакомом в соседней камере: Михаил Андреевич, восемнадцать лет, брошенный глупой мамой, забытый отцом, не признанный обществом, бедный и несчастный Миша, за что ему такая участь – всё с его слов. Я скажу, за что тебе такая участь, Михаил Андреевич, не каждый ученик одиннадцатого класса приходит на последний звонок с отцовским пистолетом и далеко не каждый выпускник расстреливает в упор преподавателей и одноклассников.

Он убил троих. Троих ранил.

Бедный Михаил Андреевич – постоянно жалуется. Жалуется на свою судьбу. Жалуется мне.

– За что? – его любимая фраза: – За что мне такие испытания? За что я здесь? За что нам это?

– Может быть, – нравится ему чуть меньше: – Может быть,

притвориться мёртвым? Может быть, сбежать? Может быть, стоило давать еду получше?

– Почему? – тоже одно из его любимых слов: – Почему у нас нет кроватей? Почему нас не выпускают? Почему нам дают по одной сигарете?

– Ты куришь? – спрашиваю я.

– Я пробовал в средней школе, мне не понравилось. А ты?

Не знаю зачем, возможно, от безысходности я рассказываю:

– Я начал курить, когда на сигаретах ещё не было никаких картинок. Порой я курил, порой нет. Мои периоды *курения* и *некурения* менялись так же часто, как выходили новые игры серии *Call of Duty* и *FIFA* вместе взятые. В периоды *некурения* я пробовал и альтернативное получение никотина в организм: никотиновый пластырь – в нём слишком мало никотина, на мой взгляд; снафф – нюхательный табак, коричневый порошок с мятным запахом, хотя сейчас у любого продукта может быть любой вкус и запах; снюс – порционные пакетики, похожие на чайные, родом из Швеции; насвай, в отличие от снаффа, его запах вызывает только рвотный рефлекс. Но пускать дымовые кольца...

Мой рассказ прерывает Михаил Андреевич:

– Почему нас ещё не покормили, может быть, они забыли?

День 9-й

Погода мерзка, как и всегда, как и всегда в этой камере.

Несильный дождь пиксель за пикселем перекрашивает асфальт в тёмно-серый цвет. Серая стена с окном. Бетонная стена слева. Холодная стена справа. Чёртова стена сзади. Хочется прижаться к одной из них щекой и идти, раскрашивая шероховатый прямоугольник красной линией.

Михаил Андреевич по-прежнему жалуется на свою судьбу.

Если бы у голоса был цвет, его стал прозрачным. Прозрачным, как вода. Целебный дождь после долгой засухи. Он начался маленькими капельками, робко падающими с неба, постепенно превратившимися в ливень, со временем перешедшими в противную морось, продолжающуюся изо дня в день.

По ночам я ощущаю себя под протекающей кровлей, медленно пропускающей прозрачные капельки, которые, накопив свою силу, падают одна за другой, с грохотом ударяются о бетонный пол, постепенно образуя противную лужу.

Я слышу, как 45-й смывает за собой.

Слышу, как он плачет.

Слышу, как он дрожит.

Я слушаю его прозрачный голос и вечное нытье.

Как-то я спросил:

– А ты не думал застрелиться сам?

И он замолк.

День 11-й

Несмотря на то что по ночам сильно холодает, погода радуется солнечными деньками.

Читаю Библию. Вафуил – смешное имя, а моя новая книга – нет, но чем-то напоминает *Игру престолов*, единственное, чем занимаются герои – познают друг друга и умирают.

Игра престолов – были там у меня любимчики: Нэд Старк и Серсея Ланнистер.

И карлик, забыл, как его зовут, а у меня тут Вафуил.

В камере удивительно тихо, моего соседа не слышно уже три дня, начинаю переживать за него.

День 12-й

Ем рис и сало.

Вспомнил, как зовут карлика из Игры престолов – Тирион Ланнистер.

Михаил Андреевич по-прежнему молчит.

День 13-й

Идёт пятый день тишины. Загорается фонарь. Я слышу, как 45-й смывает.

– Уже думал, что ты умер, – радостно говорю я в вентиляцию.

– Так и есть, – отвечает он, голос изменился, погрубел. – Твой сосед повесился: снял с себя штаны, привязал их к решётке в окне, встал на свёрнутый матрац, обмотал штаны вокруг шеи и повесился. Возле тела охрана нашла следы спермы. Быть может, он и не хотел себя убивать, а просто решил усилить ощущения или намеревался убить себя и решил умереть в блаженстве. Придурок.

А ведь я всего лишь шутил насчёт самоубийства... глупый Михаил Андреевич.

– А ты кто? – спрашиваю я.

– 45-й.

Новый 45-й сразу начинает рассказывать о месте, в котором мы находимся:

– Изначально в поезд посадили 230 человек, но вышло лишь 218. Рекорд по смертности получил *бабский вагон*. Дело в том, что из 230 человек было 14 женщин – их посадили в отдельный вагон, а вот мест на мужчин не хватало, и последних 6 закинули к ним. Представь, заходят 6 изголодавшихся мужчин и видят 14 женщин. Изголодавшихся – это я не про

еду, как ты понял. – 45-й начинает ржать. Акустика здесь просто шикарная. Его смех пугает. Чувство юмора стучит молотом по наковальне-адекватности. 45-й успокаивается. – Скорее всего, если бы женщины сидели в колонии немного дольше, всё произошло по обоюдному согласию. Но почти все, кто здесь находится, включая тебя, никогда раньше не были в местах лишения свободы, максимум месяц. Так вот, двое схватили себе по бабе и завалили их на пол. Женщины подбегали, чтобы помочь своим, но мужчины лупили их. Лупили серьёзно и по мордам. Этих дам хоть и сложно назвать *ледями*, но одно из тел погибших весело 120 килограмм – гора мышц, вот и представь, какого 60-килограммовой бабе, держать удар этого лося. Но дальше больше, у баб оказались заточки. Как только мужики повалили первую партию, одна из женщин перерезала горло насильнику, и началось. В итоге из вагона вышли только женщины. Не все, разумеется.

Приносят ужин. Рис, на этот раз даже без сала.

– Приятного аппетита, – желаю я новому 45-му, но он не обращает внимания.

– В другом вагоне толпа китайцев изрезала негра – выглядело его тело дико, я даже не буду описывать. – 45-й на секунду замолкает. – Кстати, никогда не видел живых негров. А ещё в одном вагоне восемнадцатилетний парень умер из-за открытой черепно-мозговой травмы.

– Это мой вагон, – говорю я, пережёвывая недоваренный рис.

– В этом же вагоне у пятидесятидвухлетнего мужчины был инсульт, он умер. И из поезда вышли 218 человек из 230. Но метки получили 214. Трое были застрелены при попытке к бегству. Один умер во время эпилептического припадка.

– *46 должен был стать его номером,* – вспоминаю я.

– И таким образом, – говорит 45-й: – метки получили 214 человек из 230. Понял да.

Я закуриваю.

День 14-й

Мой день начинается в камере. Точного времени я не знаю, местонахождения тоже. На завтрак съедаю тарелку риса.

...а пищею его были акриды и дикий мёд (Св. Евангелие от Матфея 3:4). *Акриды – это вроде бы саранча? Значит, у меня всё ещё не так уж и плохо.*

С самого утра включается вентиляционное радио *45-FM*.
– Знаешь, что? – говорит 45-й.
– Что? – как будто мой ответ имеет значение.
– В 1971 году был проведён Стэнфордский эксперимент с *искусственной тюрьмой*. Филипп Зимбардо решил изучить поведение людей в условиях тюрьмы. Двадцать четыре добровольца, не имевших ранее опыт прибывания в заключение, разделили на *заключённых* и *надзирателей*. *Зэки* абсолютно вжились в свои роли, начали ощущать себя, как в настоящей тюрьме, они даже по именам друг друга не называли, про свои принципы, вообще говорить не буду, а вот в каждом третьем *охраннике* обнаружили садистские наклонности. Эксперимент планировался на две недели, но уже через шесть дней он был остановлен из-за возникших опасных ситуаций. Всего шесть дней продлился эксперимент в Стэнфорде, а у нас тут бесконечно долгая реальность. Рано или поздно мы все сойдём с ума: охранники, за-

ключённые. Хочу сказать, что твой сосед не первый суицидник в этих стенах и не последний. Хотя, это даже ненастоящая тюрьма, так, детский санаторий для убийц.

– Откуда, ты это знаешь? – спрашиваю я.

– Пойми, любой охранник, в отсутствие босса приравнивается к богу, он может делать с заключённым всё. Пёс с ней, с Женевской конвенцией. Официально этого места не существует. Представь, что ты можешь сделать что угодно и никто об этом не узнает. Что ты сделаешь? Наверное, всё. С заключёнными можно делать всё, что когда-то было лишь в твоей голове.

Я уже занимаюсь своими делами – *рисовый баскетбол*.

45-й перечисляет:

– Первым стал 213-й – повесился на пятый день. Второй была девушка, жалею об этой смерти больше всего, она расплавила сигаретный фильтр, заточила его и вскрыла вены – ничего она не понимала. Третий твой сосед.

Голос нового 45-го бурого цвета. Порой он становится коричнево-красным, в эти моменты 45-й строит кирпичную стену, кладя кирпич за кирпичом всё выше и выше, игнорирую любые вопросы извне и оставляя их за этой стеной. Но обычно его голос бурый, прущий вперёд и давящий своей массой словно медведь.

– Через неделю было пять убитых при попытке к бегству, – продолжает 45-й.

– И как это возможно? – спрашиваю я. – Нас даже не вы-

пускают?

– 67-й убит при попытке к бегству, не знаю причину смерти, то ли тяжёлые побои, то ли он задохнулся головкой члена, найденной после вскрытия. В этот же день один из охранников скончался от потери крови. 75-й, 18-я и 40-й также убиты, но уже при менее интересных обстоятельствах.

– Откуда ты всё знаешь? – бросаю я вопрос в стену.

– Это не первый эксперимент, а я здесь давно.

День 17-й

Как же тесно в камере. Угол. Пять шагов. Угол. Четыре шага. Угол. Пять шагов.

45-й спит, только так он замолкает.

Я скучаю по старому 45-му, по Михаилу Андреевичу, порой виню себя в его смерти. *Почему я с ним не поговорила?* Время подумать предостаточно настолько, что даже самая трезвая мысль обрастает безумием.

Новый 45-й – я конкретно устаю от этого общения. *Какая бочка громче шумит: полная или пустая?* Бочка 45-го пустеет с каждым днём, а его монологи вёдрами черпают воду, но приходится слушать, потому что он здесь и здесь я.

Бесконечные рассказы лишь изредка переходят в односторонний диалог. Он выматывает уже который день. 45-й кладёт на мои мысли, с его точки зрения – он всегда прав, даже если чего-то не понимает, а не понимает он многого. Его правильная и словно заученная речь превращается в пустой треп.

Он утверждает, что эволюции не существует, это вынуждает меня на долгий спор – безрезультатно. Следом он утверждает, что Голландия столица Амстердама, но так и не называет столицу Нидерландов.

– 46-й, ты знал, что Байкал самое глубокое озеро на пла-

нете, а его размеры сопоставимы с Нидерландами. Прикинь, целая страна в одном озере. По объёму воды Байкал занимает первое место среди пресных озёр. Мне пирожок передали в газете. А ещё его называют морем. Понял да.

Незаметно для меня рассказ о Байкале переходит в историю о Сане Решетникове, который утонул в колодце, том самом Сане Решетникове, с которым 45-й двигался десять лет назад.

Зачем мне это, 45-й?

День 19-й

Ненавижу рис. Непроваренный и хрустящий на зубах. Певаренный клейстер. Горелый с угольным вкусом и запахом. Пресный, как вата. Холодный. С камнями. Ненавижу рис, потому что он рис.

Глава VI

День 22-й

Очередное утро или вечер, говоря другими словами, я всё ещё в вечно серой камере.

Что-то холодное касается моей руки, что-то мокрое. Я вскакиваю с матраца и оказываюсь в огромной луже. Унитаз протекает, струится как фантан на второе августа – вода довольно быстро заполняет пространство камеры.

Я делюсь ситуацией с 45-м и получаю пару *бездельных* советов: первое, я могу орать, жаловаться, танцевать, вешаться – никто не обратит внимания, второе, я должен ждать, когда принесут разнос с едой.

По камере плывёт библейский ковчег, последнее святое в этом месте идёт по пизде. Книга испорчена. До того как полностью намокает матрац, я сворачиваю его трубочкой и переносу ближе к двери. Воды по щиколотку. В это время 45-й рассказывает, что все, кто находится здесь, прошли жесточайший отбор: психологический, медицинский, плюс отсутствие родственников и только первая судимость.

Лёжа на свёрнутом матраце, я нашлёпываю по мокрому полу ритм *We Will Rock You* и спорю с 45-м о *жесточайшем*

отборе.

Психологическая уравновешенность – сразу нет. Медицинский осмотр – эпилепсия, инсульт, полагаю дальше больше. Первая судимость – тоже не очень верится, но даже если так, можно сделать вывод, что понятий будет меньше, беспредела больше. Неимение близких родственников – верю, в этой фразе акцент ставится, что на нас всем плевать. Хотя я не помню, чтобы меня проверяли, за исключением анкеты на одну страницу.

Вода полностью затопила матрац, поэтому стою по колено в личном бассейне. Неплохая герметичность, хочу заметить. Дверь хоть и просачивает, но довольно медленно. 45-й убеждает меня, что это экспериментальная тюрьма и первые 30 дней предназначены сломать волю, затем следующий этап – совершенно другой, но какой он не знает.

Я по пояс в воде.

Интересно, что если дверь не откроют, забавно будет умереть от такой нелепицы. Но логика и стеклянное окно не дают даже намёка на панику.

– Как водичка? – кричит 45-й.

– Холодновато.

– Радуйся, что у тебя в камере нет радиатора, – начинает 45-й. – Или ещё какой-нибудь трубы с горячей водой, всё-таки утонуть поприятней будет, чем свариться заживо. Был у меня случай, точнее, у соседей пенсионеров. Ночью, когда

они спали, прорвало радиатор...

Я перебиваю и говорю, что не хочу слушать.

Открывается дверь. Вода сбивает меня с ног. Я поднимаю голову на охранников. Последнее что помню – приклад автомата.

День 23-й

Чувствую под спиной сухой матрац, засохшую кровь на лице, слышу шум, крутящийся, как виниловый диск в ушных раковинах.

Тошнота пробуждает влёт.

Камера по-прежнему противно-серая, но не моя.

Я без книги, поэтому лежу и размышляю, каков будет следующий шаг эксперимента. Как вдруг до меня доходит еле слышный женский голос.

Я прислушиваюсь.

– Эй, эй, там есть кто-нибудь? – говорит необъяснимо приятный женский голос.

– Привет, – отвечаю я в уже знакомую систему связи – вентиляцию.

– Ух ты, мужчина! – удивляется голос. – Новенький?

– Нет.

– Вы не знаете, что случилось с моей соседкой?

В голове проносятся все рассказы 45-го за полторы недели, и хоть я не математик, но с уверенностью в 90% могу утверждать, что она мертва – скажу, что не знаю.

– Нет. Не знаю, – говорю я.

– А вы немногословны.

– Возможно.

– Как вы попали сюда?

Я рассказываю, что произошло со мной несколько часов назад. Она усмехается и говорит:

– Прям, картина *Княжна Тараканова*. Но я спрашивала, как вы, грубо говоря, докатились до такой жизни? Что вы сделали?

– Я расскажу, если ты ответишь на самый глупый вопрос за всю твою жизнь.

– Отлично, мы уже на ты, официальный стиль речи в разговоре снят. Задавай. Кстати, мой номер 21.

– Представь, что ты ромб, – говорю я с полной серьёзностью. – За кого бы ты вышла замуж: за круг квадрат или треугольник?

Из вентиляции я слышу смех.

– Хороший вопрос. Не думала, что меня сможет что-то удивить, – на мгновение она замолкает, – но сначала ты.

Не совсем равносильные вопросы, но почему нет?

Глава VII

Звонок от *Сестрёнка*.

– Да, Ева, – беру я трубку и слышу:

– Это пиздец!

– Что случилось?

– Не по телефону, быстрее домой!

Я выбежал из отеля.

Мотор автомобиля рычал спокойно – я же на нерве.

Светофор – чёрт с ним. Ещё один – и его туда же. Мысли неслись терабайтным потоком.

Вероятно, она встретила наших старых знакомый, а у нас нет добрых старых знакомых, когда-то мы со всеми расстались врагами.

Словно обезумевшие фанаты просвистели шины на повороте.

Быть может, что-то с Билли Бобом, хотя, это вполне телефонный разговор.

Встречная. Встречная. Тротуар, блин!

Возможно, у неё на руках полкилограмма кокаина и его срочно нужно вынюхать – весь. Я бы даже не удивился.

Перед домом я врезался в мусорный бак.

Если она с кокаином – убью её.

Я открыл дверь. Ева встретила меня на пороге. Мы молча осмотрели друг друга: мой нос окружала мозаика засохшей крови, белая футболка в красных пятнах, к спортивным штанам и кедам претензий нет; у Евы разбита губа, вечно неоправданно милое личико, ярко-красные взъерошенные волосы, чёрная футболка, джинсы и белые *Аирмаксы* – *вот никогда не разувается.*

– Что случилось? – спросил я.

Она отвела меня в спальню.

– Прыгал тут, как косуля от гепарда.

На кровати лежал избитый мужчина.

– Ты его так?

– Хотел изнасиловать меня.

Прикованный наручниками к кровати мужчина смотрел на нас безжизненными рыбьими глазами, его щёки стянул чёрный ремень, а специальное отверстие, приготовило рот к глубокому минету.

– Ещё и игрушки с собой взял, урод, – я схватил *вазу холо-стяка*, цветы упали на пол, бонг разбился о его голову, мелкие осколки вонзились в лицо, заострённое горлышко рас-секло ухо.

– Мне ремешок понравился, – сказала Ева. – Натуральная кожа, недавно купила.

Свет обострил кухонные углы. Хлопнула дверь холодильника. Кубики льда звонко ударились о стекло и постепенно

утонули в виски. Я протянул один из бокалов Еве. Она сидела на полу и обнимала Билли Боба.

– Ну, что будем делать с этим чудом? А, братишка?

– Не знаю. Есть сигарета?

– Ты же бросил.

Постепенно дым окутал помещение кухни.

Лёд в бокалах потрескался и округлился, намереваясь походить на медуз.

– Всё потому, что у тебя нет сигарет, – как бы оправдывалась Ева. – Я покормила Билли и пошла в магазин. А когда вернулась и только открыла дверь, этот сукин сын, – дальше в рассказе кроме мата появлялись лишь предлоги, – короче говоря, избивала его битый час, но он не сказал ни слова, – закончила Ева.

Виски ударило в голову, и я точно знал, что делать.

– В чулане есть верёвка, – сказал я. – Найди что-нибудь, чем можно прижечь раны, и хватит поить Билли Боба.

Кляп и наручники по-прежнему сдерживали пленника, на все вопросы он молчал и смеялся тупым рыбьим взглядом. Нам во что бы то ни стало нужно было узнать, кто эта залётная птичка. Поэтому я заволок его в ванную комнату, пару раз врезал по ходу действия и снял с него брюки.

– Я всё нашла, – Ева осмотрела нас. – Что ты делаешь?

– Хочу секса, – ответил я и стянул его трусы.

Ева бросила инструменты и оставила нас, чтобы налить ещё виски. На полу стоял пустой бокал, вокруг которого прыгал пьяный кролик. Три кубика льда, два пальца виски – это для нее. Два кубика льда, два пальца виски – это для меня. Три пальца виски – это для Билли Боба.

Ева протянула мне бокал и встала позади. Я перед пленником. Он болтался над ванной, подвязанный за ноги.

Я сделал глоток. Щелчок зажигалки – Ева подкурила. Я достал из шкафчика опасную бритву.

– Вот как мы поступим. Если ты не заговоришь – я отрежу тебе яйца. Будет больно, но ты не вырубись, ведь не зря я подвесил тебя вниз головой. Ты будешь чувствовать всё, но это не самое страшное. Если ты всё-таки не сдохнешь от потери крови, а ты не сдохнешь, поскольку я прижгу то, что останется от твоей мошонки.

– Также есть вероятность заражения, – добавляет Ева. – Но подбривать тебя и тратить алкоголь слишком много чести, так что запасись антибиотиками.

Я подношу холодное лезвие к яйцам и продолжаю:

– А самое страшное будет потом, через какое-то время из-за нехватки тестостерона организм начнёт вырабатывать эстрогены: у тебя вырастет сучье вымя, а на бёдрах отложится жир. Ты больше не будешь мужиком. Ты не будешь бабой. Ты будешь хреном с титьками.

Пленник задёргался, я снял кляп. Слюни, сопли и слезы

стекали по его лицу. В этот момент в квартире раздался звон, моя рука дёрнулась и лезвие прошло по ноге, капельки крови упали в ванну.

Дверной звонок. Кому я, блин, сейчас нужен?

Пленник орал, что уж греха таить, как резаный. Пока я пытался застегнуть кляп, Ева убежала к двери.

– Там эта сука! – выкрикнула она.

Не может быть. Не может, мать его, быть. Только одного человека она называла с такой конкретикой.

Я обошёл сестру, посмотрел в глазок, и паника охватила меня.

– Откуда эта сука знает твой адрес?

– Я дал.

Я застыл и не знал, что делать. Пятнисто-красно-белая футболка, в руке окровавленная опасная бритва, а за дверью моя жена.

– Я знаю, что ты там? – крикнула она.

– Что ей нужно? – шепнула Ева.

Я мотнул головой. Моя жена просила, чтобы я просто поговорил с ней.

– Спровадь её! – прошипела Ева.

Очередной звонок. Ева ушла в ванную комнату. Я убрал бритву в карман, стянул с себя футболку. Распахнулась дверь.

Она зашла без единого слова и направилась вперёд. И в этот миг в ванной что-то упало, что-то большое, кто-то.

Ева тут же выдала своё присутствие обилием ненормативной лексики.

Я отвёл незваную гостью к выходу, а сам рванул к Еве.

Верёвка, на которой висел пленник, порвалась. В собственных слюнях и крови, избитый и изрезанный, с кляпом из секс-шопа, связанный по рукам и ногам лежал мужчина без штанов и со сломанной шеей – он был мёртв. Бледная как смерть Ева выглядела чуть живее.

Мы даже калечить его не собирались, это был блеф чистой воды, но это уже неважно.

В моей ванне лежало мёртвое тело, я с сестрой стояли перед ним, а на нас смотрела моя чёртова жена.

Синий белый кролик в очередной раз пробежал мимо меня.

Мы стояли в гостиной и молча смотрели друг на друга.

Мою жену трясло, как обезумевший вибратор.

Ева не отрывалась от бутылки.

Я крутил в руке телефон и вдыхал дым очередной сигареты.

Билли Боб второй раз подряд врезался в Еву и убежал. Она не выдержала.

– Итак, что мы имеем: мёртвое тело, живого свидетеля и пьяного кролика. Ничего не упустила?

– Да нет, – выпущенное дымовое кольцо разбилось о потолок.

Ева гнала дальше:

– И, главное, непонятно что это был за мужик, и что этой курице здесь нужно.

– Я никому не скажу... – промямлила моя жена.

Красноволосая пьяная баба тут же её прервала:

– Да проститутки искренней улыбаются, чем ты говоришь.

– Ев, налей ей выпить, – попросил я.

– Я вам не прислуга, пусть сама наливает.

Мы слышим стучащую о бокал бутылку.

Ева впилась в меня взглядом.

– Я её сейчас ударю, – сказала она.

– Мне кажется, вам лучше обратиться в полицию.

– Я её точно ударю.

Успокойся! – крикнул я.

– О! А давай грохнем её, одним больше, одним меньше.

Пару лет назад чуть половину города не убили и ничего!

Билли Боб приступил к изнасилованию ноги Евы. Она пнула его и *заистерила* на меня:

– И хера ты такой спокойный? Думаешь свалить всё на кролика? Правильно! Нас тут не было, а кролик напился, притащил какого-то мужика, связал и как начал его по-кроличьи.

Зазвонил телефон – это был мой спаситель.

Я практически взял Еву в охапку и вывел из квартиры.

Утюг ждал внизу.

– Прости меня, – сказала Ева сквозь слёзы.

– Всё будет хорошо, согласишься Европу, а я всё улажу, – я обнял её, посадил в машину и маякнул Утюгу. Автомобиль тронулся. Заплаканные глаза, залитые вискарём и паникой, с болью проводили меня.

Всё плохо. Во-первых, нужно было поговорить с женой, которую я не видел два года, и разговор явно не о том, о чём хотела она. Во-вторых, нужно было избавиться от тела.

Когда я вошёл в квартиру меня встретили лишь труп и, спящий, Билли Боб. Я решил, что с поисками жены только потеряю время, и принялся за тело.

А потом появилась полиция, за их спинами стояла моя жена.

Она хотела развод, как я узнал позже.

Кстати, получила.

Глава VIII

День 23-й

Моя история для 21-й, лишённая некоторых деталей, но тем не менее рассказанная, даёт мне право повторить свой вопрос и сменить тему:

– Представь, что ты ромб, за кого бы ты вышла замуж: за круг, квадрат или треугольник?

– Круг, определённо, – говорит 21-я.

– Хорошо.

– Ответ правильный? – даже через стену я чувствую её улыбку.

– Правильный, ибо с квадратом будет скучно, а треугольник лесбиянка.

– Пообещай, что объяснишь мне при встрече.

– Обязательно объясню. Так за что ты попала сюда?

Но 21-я игнорирует вопрос и заводит совсем другую историю.

В поезде я убила одного.

В наш вагон посадили шестерых мужчин. Через полчаса они решились, эти уроды решили трахнуть нас. Двое набросились, один схватил меня, но за мгновение до этого моя со-

камерница передала мне лезвие.

Месяц назад, когда я попала за решётку, она многому научила меня. Один из уроков был, как спрятать лезвие, в тот день она сказала, что когда-нибудь это спасёт мою жизнь. Я тренировалась, изрезала себе всю щеку, нёбо и губы. Лезвие нужно спрятать за щекой и в подходящий момент вытащить языком, зажать во рту и провести по горлу, точнее, по сонной артерии какого-нибудь ублюдка – при определённой практике всё делается довольно быстро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.